

RU

Особенности протоколов совета Латвийской консерватории 1920-1930-х гг. как источника изучения роли национального фактора

Малнач А. Д.

Аннотация. Цель исследования – выявить особенности и информационный потенциал протокольной документации Латвийской консерватории для изучения роли национального фактора в истории учебного заведения в 1920-1930-е гг. В статье проводится комплексный источниковедческий анализ протоколов совета консерватории из фондов Латвийского государственного архива. Научная новизна исследования состоит в экстраполяции классической методики формулярного анализа на документы Новейшего времени и приложении его инструментария к источникам латвийского происхождения. В результате устанавливается известная преемственность латвийского делопроизводства межвоенных лет дореволюционному российскому делопроизводству, раскрывается специфика отражения национализационного дискурса в делопроизводственной практике через латышизацию языковой среды, графическую унификацию (модификацию) нелатышских антропонимов, а также через фиксацию острой полемики вокруг кадровой политики учебного заведения. Особое внимание уделено роли личности секретаря совета Е. Карклиня, чей субъективный подход к протоколированию позволил верифицировать персональный состав и тактику «национальной» оппозиции, противостоявшей ректору профессору Я. Витолу.

EN

Features of the minutes of the Latvian Conservatory Council in the 1920s-1930s as a source for studying the role of the national factor

A. D. Malnach

Abstract. The purpose of the study is to identify the features and informational potential of the meeting minutes of the Latvian Conservatory for studying the role of the national factor in the institution's history during the 1920s-1930s. The article provides a comprehensive source-critical analysis of the minutes of the Conservatory Council from the holdings of the Latvian State Archive. The scientific novelty of the study lies in extrapolating the classical methodology of formular analysis to modern historical documents and applying its toolkit to sources of Latvian origin. As a result, a notable continuity between interwar Latvian record-keeping and pre-revolutionary Russian administrative procedures is established. The study reveals the specific ways in which nationalization discourse was reflected in administrative practices through the Latvianization of the linguistic environment, the graphical unification (modification) of non-Latvian anthroponyms, and the recording of sharp debates surrounding the institution's personnel policy. Special attention is paid to the role of the Secretary of the Council, J. Kārklīšs, whose subjective approach to minute-taking made it possible to verify the personal composition and tactics of the "national" opposition that confronted the rector, Professor J. Vītols.

Введение

Становление основанной в 1919 г. в Риге Латвийской консерватории (ныне – Латвийская музыкальная академия им. Язепа Витола), государственного автономного высшего учебного заведения, происходило в ситуации сложной этнополитической трансформации и конструирования новой латышской идентичности. Высшая школа выступала не только образовательным и культурным центром, но и важным инструментом государственной политики. Национализационный дискурс оказывал определённое влияние на выработку кадровой политики, трансформацию языковой среды, репертуарную стратегию и принципы отбора учащихся.

В условиях недостатка фундаментальных трудов по истории латвийской музыкальной культуры и общих работ, посвящённых развитию музыкального образования Латвии в межвоенный период (Čeže [Чеже], 1998, S. 204; Малнач, 2024, с. 301), фрагментарно изучена и роль национального фактора в жизни Латвийской консерватории (Wihtols [Витол], 1920; 1930; Vītols [Витол], 1935; Малнач, 2022a; 2022b; 2022c). Зачастую глубинная динамика национального вопроса ускользает от научного анализа (Vēriņa [Вериня], 1985, с. 11; 1991, с. 121; Zandberga [Зандберга], 2020, с. 20). Преодоление этого исследовательского дефицита возможно лишь путём обращения к массиву неопубликованных архивных документов. Перспективным комплексом источников в данном контексте и предметом настоящего исследования выступают сохранившиеся в фонде Латвийского государственного архива (ЛГА, ф. 1655) протоколы заседаний коллегиальных органов управления Латвийской консерватории прежде всего протоколы совета консерватории как высшего из них. До недавнего времени эти материалы не использовались в научной практике и никогда прежде не служили объектом источниковедческого анализа.

Теоретическую базу исследования составляют труды по источниковедению российского делопроизводства XIX – начала XX в. (Ковальченко, 2003; Данилевский, Добровольский, Казаков и др., 2015), а его методологической основой служит системный источниковедческий подход, реализуемый через синтез классических концепций отечественной дипломатики. Опираясь на классификацию А. С. Лаппо-Данилевского (2007), автор констатирует, что протокольная документация Латвийской консерватории межвоенного периода обладала двойственной юридической природой. В условиях государственного статуса и академической автономии латвийской высшей музыкальной школы фиксация решения в протоколе совета консерватории являлась необходимым юридическим основанием для последующего возникновения, изменения или прекращения правоотношений. Это позволяет квалифицировать протокол совета как публично-правовой акт с удостоверительным характером (Лаппо-Данилевский, 2007, с. 40–41, 61). При этом конкретное юридическое действие документа зависело от предмета обсуждения. В отношении кадровых и финансовых вопросов требовалась окончательная санкция Министерства образования или правительства (Latvijas konservatorijas satversme [Устав Латвийской консерватории], 1923, с. 344), поэтому протокол совета имел подготовительно-удостоверительное значение. Напротив, в вопросах внутреннего распорядка и регулирования статуса воспитанников, не нуждавшихся в утверждении извне, фиксация решения в протоколе имела прямое конститутивное значение, самостоятельно порождая, изменяя или прекращая локальные правоотношения.

Квалификация протоколов совета консерватории как актового материала позволяет в дальнейшем прибегнуть к методу формулярного анализа С. М. Каштанова, адаптированному к делопроизводственной документации коллегиальных органов Новейшего времени. Применимость данной методики к анализу протоколов заседаний коллегиального органа высшего учебного заведения убедительно продемонстрировала Р. Г. Иванова (2018). В настоящем исследовании предпринята попытка приложить этот алгоритм уже к материалам делопроизводства первой трети XX в. При этом основанный на принципе историзма историко-генетический метод позволяет рассматривать делопроизводство Латвийской консерватории межвоенного периода в целом и протокольную документацию в частности как пример репликации русской дореволюционной делопроизводственной культуры и её развития в иных исторических условиях и в иной языковой среде (Малнач, 2026).

Автор ставит перед собой задачи выявить те стороны источника, которые позволяют рассматривать его как репрезентативную модель бытования и эволюции дореволюционной делопроизводственной культуры в качестве иных геополитических и социокультурных координатах, а также те особенности источника, которые способны раскрыть роль национального фактора в эволюции Латвийской консерватории. Первая из них подразумевает проведение формулярного анализа протоколов совета консерватории, вторая – рассмотрение модификации антропонимов профессорско-преподавательского состава, освещение принципов протоколирования и раскрытие личного вклада секретаря совета Е. Карклина.

Практическая значимость работы заключается в том, что вводимые в научный оборот источники и полученные результаты могут быть использованы при подготовке обобщающих трудов по истории латвийской высшей музыкальной школы и музыкальной культуры межвоенного периода, а также в качестве теоретико-методологической базы для дальнейших изысканий в области источниковедения делопроизводства Новейшего времени.

Обсуждение и результаты

Со дня своего первого заседания 9 сентября 1919 г. педагогический совет (с 16 февраля 1920 г. – художественный совет; с 25 января 1923 г. – совет консерватории) фактически становится высшим руководящим органом Латвийской консерватории. В декабре 1919 г. этот его статус был впервые закреплён де-юре временными «Основными положениями устройства консерватории», второй пункт которых гласил, что «деятельность консерватории находится в ведении художественного совета» (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1259, л. 87). Проект постоянного устава высшей музыкальной школы, принятый советом консерватории 11 октября 1920 г., правительство утвердило в августе 1922 г. (Valdības darbība... [Деятельность правительства...], 1922) в порядке закона от 16 июля 1919 г. (т. е. от имени Кабинета министров) и направило его для дальнейшего рассмотрения и окончательного принятия латвийским парламентом, каковое состоялось лишь 12 ноября 1923 г. (Latvijas Konservātorija... [Латвийская консерватория...], 1930, с. 29).

Согласно уставу, система управления консерваторией включала совет консерватории, ректора и проректора, деканов и совет деканов, хозяйственную и ревизионную комиссии. При этом именно за советом консерватории

устав закреплял функции высшего органа. Все вопросы обсуждались коллегиально на заседаниях совета, а решения принимались простым или квалифицированным большинством (Latvijas konservatorijas satversme [Устав Латвийской консерватории], 1923, с. 344). На протяжении двух межвоенных десятилетий в устав вносились поправки, не затрагивавшие, однако, основных его положений. И если в период националистической диктатуры К. Ульманиса (1934-1940 гг.) деятельность совета консерватории в большой мере сводилась к формальному утверждению спускаемых «сверху» директив, то в период буржуазной парламентской республики (1919-1934 гг.) ему принадлежала действительно решающая роль во всех вопросах консерваторской жизни.

По уставу 1923 г. совет консерватории обладал широким спектром полномочий: от избрания руководящего и преподавательского состава, утверждения бюджета и правил приёма до регулирования правового статуса воспитанников и рассмотрения их жалоб. Тем самым протоколы заседаний совета (а под термином «протокол» здесь подразумевается делопроизводственный документ, создаваемый для письменного отображения хода коллективного собрания) вбирали в себя всё многообразие контактов высшего органа управления Латвийской консерватории, превращаясь в средоточие прямой и опосредованной коммуникации академического сообщества с внутренними и внешними контрагентами – от частных лиц до государственных структур.

Формулярный анализ протоколов совета консерватории

Протоколы заседаний коллегиальных органов управления Латвийской консерватории велись от руки в разлинованных конторских книгах с твёрдым переплётом. Исписав все листы в одной книге, протоколист продолжал вести записи в новой книге, не обращая внимания на хронологические границы, будь то календарный или академический год. Количество учебных лет, «вместившихся» в одну книгу, зависело от объёма книги, числа заседаний и обсуждённых на них вопросов, а также пространности записей.

Языком протоколов был государственный латышский язык. Исключение составляет напечатанный на пишущей машинке на немецком языке протокол заседания педагогов-пианистов от 1 октября 1919 г., посвящённый разработке учебной программы класса специального фортепиано (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1479, л. 1-1 об.), – показательный маркер социокультурного состояния консерватории на этапе становления, особенно учитывая персональный состав коллегии: Е. Губен-Зандер, Б. Рогге, Х. Шмитт и П. Шуберт (два немца и два латыша).

Протоколы совета консерватории представлены тремя книгами, которые последовательно велись и менялись по мере заполнения на протяжении 19 лет. Первая книга протоколов совета консерватории охватывает период с 9 сентября 1919 г. по 12 сентября 1921 г. (протоколы № 1-38); вторая – с 15 ноября 1921 г. по 27 мая 1930 г. (протоколы № 39-125); третья – с 12 сентября 1930 г. по 22 сентября 1938 г. (протоколы № 126-212), причём в этой книге ещё оставались незаполненные листы (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 6, 1446, л. 6, 7). В архивном фонде Латвийской консерватории отсутствуют оригиналы протоколов заседаний более позднего времени, хотя сами заседания, безусловно, проводились и документировались. Причина образовавшейся лакуны не установлена. По-видимому, документация данного рода не была приобщена к текущему архиву консерватории или же была изъята из него и в итоге затерялась.

В целом, несмотря на различия частного порядка, можно говорить о наличии единой системы и схемы построения – структурного формуляра протокольной документации, унаследованного из дореволюционного российского делопроизводства. Согласно канонам отечественной дипломатики, протокол заседания совета и других коллегиальных органов консерватории выстраивался по условному формуляру, состоявшему из трёх основных частей: вводной или начального протокола, основной и заключительной части или конечного протокола (эсхатокола), каждая из которых, в свою очередь, включала несколько компонентов (Каштанов, 1970, с. 27; Иванова, 2018, с. 24-25).

Постоянными компонентами основной части формуляра протоколов органов управления консерватории служат промьюльгация, наррация и диспозиция. Поскольку заседания проводились регулярно по уставу и не было необходимости каждый раз оглашать цели собрания, то условно как элемент основной части формуляра в протоколах присутствует также аренда (преамбула). Все члены коллегии были осведомлены об общей цели и задачах собрания – заслушивание вновь поступивших отношений, запросов, обсуждение всех необходимых вопросов, вынесение коллективного решения. Изредка в качестве аренды выступало краткое пояснение сущности заседания либо того или иного вопроса повестки дня, даваемое председателем, секретарём или кем-то из участников собрания. При оформлении промьюльгации само слово «слушали» опускалось; его заменяли порядковым номером каждого следующего вопроса повестки дня (от одного-двух до полутора-двух десятков). В тех случаях, когда протоколист придерживался так называемой двухстолбцовой структуры протокола, вверху первого столбца иногда писалось «вопрос», а вверху второго – «приняли», т. е. промьюльгация, будучи вплетённой в содержание каждого оглашаемого и предназначенного к коллегиальному обсуждению вопроса, включалась тем самым в начальную часть наррации. В свою очередь наррация сливалась то с промьюльгацией, то с диспозицией, но чаще всё-таки с первой.

При более детальном рассмотрении формуляра протоколов обнаруживается отсутствие ряда компонентов в каждой из структурных частей, тогда как другие элементы поменяли своё расположение. обстоятельный анализ таких пропусков дан Р. Г. Ивановой (2018, с. 93-95) на примере протоколов заседаний совета медицинского факультета Казанского университета дореволюционного периода. Сделанные ею выводы в этом отношении вполне применимы к протокольной документации Латвийской консерватории 1920-1930-х гг. В частности, визуально отсутствовавшая в протоколах коллегиальных органов консерватории инскрипция (адресат)

неявно включала как первичных, так и «вторичных» адресатов. «Вторичные» адресаты указывались безлично и кратко, или не указывались вовсе, или же оказывались фактически включены в элемент формуляра, обозначающий лицо, от которого исходит любое отношение, поступившее на рассмотрение коллегии. Первичные адресаты обычно указывались в протоколе заседания непосредственно как присутствовавшие члены коллегии. Подписываясь (рукоприкладствуя, по терминологии А. С. Лаппо-Данилевского (2007)), они придавали документу законную силу. Тем самым субскрипция как компонент эсхатокола, подобно аренге в основной части формуляра, присутствует условно. Фактически функцию субскрипции выполняла сигнатура, т. е. подписи, проставленные участниками заседания под протоколом в знак согласия с каждой из принятых диспозиций. Это подтверждает и практика вписывать в протокол или прилагать к нему «особое мнение» теми участниками заседания, которые отказались ставить свою подпись под диспозицией конкретного вопроса или под документом в целом.

Модификация антропонимов как отражение национальной унификации

Начертание фамилий и подписей – вторая (после выбора латышского языка как официального) особенность источника, позволяющая проследить, как тенденция национальной унификации укоренялась в академической среде через изменение графического облика антропонимов педагогов. В протокольной документации нередко сталкиваются две разные идентичности и две языковые практики. Ярким примером служит фамилия ректора консерватории профессора Язеп Витола, графическая фиксация которой менялась в зависимости от социокультурного контекста. В одном из протоколов совета консерватории этот дуализм зафиксирован буквально на одной странице. В записи от 15 ноября 1921 г. секретарь совета Е. Карклинь, внося имя председательствующего в официальный текст, строго следует новым правилам латышской орфографии – “J. Vītols”. В то же время сам ректор скрепляет документ подписью, отражавшей компромиссный характер его идентичности: он использует привычное для себя написание основы, соответствующее графической норме старой латышской орфографии, испытывавшей сильное немецкое влияние, но добавляет к нему нормативное латышское окончание – “J. Vihtols” (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 1). Подобная трансформация происходила и с именами других членов коллегии латышского и нелатышского происхождения. Преподаватель пения О. Жубит, латыш по национальности, фигурирует в тексте протоколов совета как “O. Schubits”, “O. Žubits”, “O. Žubīt” и “O. Šubits”, а подписывается традиционно “O. Schubits”. Руководитель класса ансамбля немец А. Юнг в протоколах писался на латышский манер “A. Jungs”, но подписывался по-немецки “A. Jung”. Преподаватель специального фортепиано немка А. Соколовски неизменно подписывалась “A. Sokolowski”, тогда как её фамилия в перечне присутствовавших писалась различно – “Sokolovski”, “Sokolovsky”, “Sokolovska”. Руководитель класса гобоя немец Г. Варнеке также не менял подпись (“G. Warneke”), хотя в списках значился как “G. Varneke”. Преподаватель обязательного фортепиано латыш О. Сиверс упоминается как “O. Zivers” и “O. Zievers”, и в начале 1920-х гг. он тоже подписывался на немецкий манер в соответствии с правилами старой латышской орфографии “O. Sievers”, но с течением времени удалил из подписи знак долготы “ē”. В свою очередь руководитель класса специального фортепиано обрусевший латыш Николай Дауге подписывался всегда по-латышски – “N. Dauge”. Другой руководитель класса специального фортепиано латыш П. Шуберт, который в упомянутом выше немецкоязычном протоколе фигурировал как “Herr P. Schubert”, в протоколах совета писался и подписывался исключительно по-латышски – “P. Šuberts”. Фамилия его коллеги-пианиста немца Х. Шмитта (“Herr H. Schmidt” немецкоязычного документа) в протоколе совета от 17 сентября 1923 г. постфактум (в связи со смертью музыканта) приведена к латышской норме – “Hans Šmīdts” (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 44). Эти примеры наглядно иллюстрируют, что политика языковой интеграции на базе латышского языка в академической среде не была однородной: она насаждалась «сверху», правда, не всегда последовательно и не слишком настойчиво, встречая мягкое, консервативное сопротивление со стороны отдельных членов педагогического коллектива. Причём с куда большим упорством, чем преподаватели-латыши, привычную для себя форму подписи отстаивали их нелатышские коллеги. Таким образом, национализационный дискурс межвоенного периода отчетливо проявился в делопроизводственной практике Латвийской консерватории: модификация нелатышских фамилий в документах консерватории являлась его составной частью.

Принципы протоколирования и дополнительные документы

Одна из записей в книге протоколов заседаний совета консерватории проливает свет на действовавший в учебном заведении общий порядок ведения и утверждения подобной документации. Так, в ходе заседания 23 февраля 1923 г., сразу после утверждения повестки дня, ректор Я. Витол «указал, что у него не было возможности прочесть протоколы состоявшихся (т. е. предыдущих. – А. М.) заседаний, поскольку секретарь не подал их вовремя, поэтому он не может допустить протоколы к зачитанию и утверждению», после чего «он (ректор. – А. М.), а также проректор П. Йозуус решительно потребовали, чтобы протоколы окончательно писались во время самого заседания» (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 29 об.). На это замечание последовало возражение секретаря Е. Карклиня, что «написание протоколов есть принципиальный и очень важный для деятельности учреждения вопрос», поскольку в протоколах отражается «всё, что происходит в работе, а это коротко не опишешь», и, кроме того, «секретарю самому нужно участвовать в заседании и следить за его ходом, поэтому писать в то же самое время протоколы в окончательных, чистых формулировках даже физически невозможно, и нигде поэтому протоколы на заседании окончательно не пишут даже при использовании стенографии» (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 29 об.).

Из этого обмена мнениями следует, что в консерватории практиковались оба отмеченных выше способа написания и утверждения протоколов того или иного органа, то есть одни протоколы писались в ходе текущего заседания, зачитывались и тут же подписывались присутствующими членами коллегии, а другие составлялись уже после заседания на основании черновых записей и зачитывались и подписывались на одном из следующих заседаний. Никаких отметок на этот счёт в тексте документа не делалось.

В продолжение дискуссии о «принципах» протоколирования заседаний совета консерватории был на том же заседании поднят и вопрос внешнего облика протоколов. В ответ на указание П. Йозууса, что в простран-ных протоколах «трудно найти нужное решение», Е. Карклинь язвительно заметил, что все вопросы пронумерованы «и сами решения в столбце сбоку написаны, так что даже издали видны» (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 29 об.-30).

По-видимому, конфликтная ситуация, отражением которой явилась эта дискуссия, привела к появлению в данном комплексе нового компонента – так называемых дополнительных документов, приобщаемых к протоколу заседания. Ранее этого времени таковые в протоколах совета консерватории не встречаются, но становятся обычной практикой, начиная именно с заседания 23 февраля 1923 г. В данном случае речь идёт о написанном по-русски на отдельном листочке и вклеенном в книгу протоколов особом мнении Н. Дауге «против решения художеств[енного] совета от 23-го февраля с.г.» с припиской секретаря по-латышски: «Это примечание передано мне на заседании 12 марта, и оно в протокол не вписано» (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 31).

Прежде, несмотря на случавшиеся разногласия, до фиксации «особых мнений» в протоколах совета консерватории не доходило, и лишь с обострением противостояния внутри педагогического коллектива, о чём будет сказано ниже, возникла такая необходимость. Так, 13 марта 1923 г. Я. Витол сделал красными чернилами приписку к протоколу от 16 февраля 1923 г., в которой обвинил секретаря в «частичном искажении» высказываний выступавших, приписывании слов, сказанных одним членом совета, другому члену совета, замалчивании «некоторых характерных высказываний» и в целом – «в односторонности, известной тенденциозности и неясности» ведения протокола заседания, обозначил язык и тон протоколиста как оскорбительный для себя и впредь отказался подписывать «какие-либо протоколы прежнего секретаря» (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 29). В дальнейшем особые мнения членов коллегии, как правило, заносились в сам текст протокола, а дополнительные документы, умножаясь в числе (во второй книге протоколов совета консерватории их насчитывается 37 на 172 листа, а в третьей книге – уже 46 на 131 лист), носят за редкими исключениями справочный характер, представляя собой преимущественно списки учащихся разного рода.

Екаб Карклинь как летописец «национальной» оппозиции

Итак, темы вопросов-статей – структурной и смысловой единицы протокола – соответствовали прописанным в уставе функциям совета. Но то, как их обсуждение отразилось в источнике, в большой мере зависело от личности протоколиста, о котором в уставе было сказано кратко: «Для ведения протоколов заседаний совета консерватории совет из своей среды выбирает секретаря» (Latvijas konservatorijas satversme [Устав Латвийской консерватории], 1923, с. 345).

Впервые совет консерватории избрал секретаря 22 ноября 1919 г., когда им стала Мария Губен (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 6, л. 13.), старший учитель элементарной теории и сольфеджио. Её стиль отличался лапидарностью – краткой формулировке вопроса повестки дня соответствовала по возможности краткая запись решения по данному вопросу. В начале третьего учебного года, 13 сентября 1921 г., М. Губен отказалась от исполнения обязанностей секретаря и вместо неё единогласно был избран преподаватель обязательных теоретических дисциплин Е. Карклинь (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 6, л. 43 об.). Именно его почерком написана большая часть протоколов заседаний совета консерватории в период с осени 1921-го по осень 1938 года (с перерывом в 1923-1926 гг.) и, несомненно, на них лежит глубокий отпечаток индивидуальности этой по-своему незаурядной личности.

Екаб Карклинь (Jēkabs Kārkliņš, Яков Яковлевич Карклинь, 1867-1960) по окончании учительской семинарии в Риге в 1886 г. поступил в Санкт-Петербургскую консерваторию, которую окончил в 1897 г. по классу вокала С. И. Габеля, изучал также композицию под руководством Н. А. Римского-Корсакова. В 1897-1899 гг. он – солист Московской частной русской оперы С. И. Мамонтова, в 1899-1902 гг. преподавал вокал и теорию музыки в классах Императорского Русского музыкального общества в Томске, а в 1902 г. с учреждением таких же классов в Самаре был назначен их директором и занимал эту должность до 1919 г., совмещая её с преподавательской, музыкальной и общественной деятельностью. Так, по утверждению самого Карклина, он участвовал и исполнял обязанности секретаря в ходе последнего съезда Русского музыкального общества в Петрограде весной 1917 г. (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 15 об.-16).

В 1920 г. Е. Карклинь вернулся в Ригу и стал сотрудником Латвийской консерватории, где преподавал музыкально-теоретические предметы и историю музыки, с 1927 г. в звании профессора. Отметим такие черты Карклина, как амбициозность и тщеславие в сочетании с известной гибкостью, причём первые два побуждали его к занятию видного общественного положения через исполнение различных престижных поручений, тогда как последнее помогало прилаживаться к меняющейся политической обстановке. Он находился на государственной службе более полувека, став кавалером орденов Российской империи (Станислава III степени (1907) и Анны III степени (1911)), буржуазной Латвии (Трёх Звёзд III степени) и СССР (Трудового Красного Знамени (1947)). Работу в консерватории Е. Карклинь оставил в 1954 г. В межвоенный период помимо немалой учебной нагрузки он исполнял обязанности секретаря совета консерватории, а также совета деканов с момента

создания последнего, участвовал в работе хозяйственной комиссии и представлял консерваторию в различных комиссиях и рабочих группах, создававшихся по мере надобности при Министерстве образования и правительстве. Начиная с 1926 г. Карклинь избирали постоянным («перманентным») представителем консерватории «для различных случаев» (Малнач, 2018, с. 443).

Когда в ходе ревизии Госконтроля, состоявшейся в 1935 г., вскрылось, что тот систематически нарушает трудовую дисциплину, Карклинь оправдывал себя исполнением множества должностей и обязанностей, сотрудничеством в различных комиссиях и «живым участием в различных организациях». «Ведь каждый сознательный гражданин, культурный работник обязан приходить на помощь обществу со своими знаниями и опытом. Эти обязанности я всегда выполняю охотно, без вознаграждения», – подчёркивал он в объяснительной, приводя внушительный список своих «почётных должностей и добровольных занятий»: «1) утверждённый президентом секретарь подкомиссии Министерства образования по Памятнику свободы; 2) уже 12 лет состою представителем Министерства образования и секретарём в совете по музыкально-художественному образованию; 3) как экзаменатор участвовал в проверочных комиссиях Министерства образования; 4) командирован в Даугавпилсскую народную консерваторию для упорядочения работы и как ревизор в частные музыкальные школы в Лиепе, Елгаве и Риге; [...] 6) как представитель Министерства образования участвовал в заседаниях Министерства благосостояния по пенсионным вопросам [...] От консерватории делегирован в общественные организации на выдающиеся торжества. Сейчас выбран в отдел пропаганды (подчёркнуто Е. Карклинем. – А. М.). Командируюсь как эксперт на заседания Фонда культуры. Мне доверено руководство деятельностью комитета памяти Андрея Юрьяна, которому я жертвовал свои средства, заботился об изготовлении бюста и памятника на могиле. В консерватории работаю без вознаграждения как декан, секретарь советов и член хозяйственной комиссии. Член обществ сближения Латвии с Финляндией, Эстонией, Литвой и Италией» (Малнач, 2018, с. 443-444). На тщеславие Е. Карклиня здесь указывает открытое стремление «играть роль», тогда как о гибкости свидетелствует упоминание о сотрудничестве с отделом пропаганды, созданным специально для укрепления основ авторитарного режима К. Ульманиса. Во второй половине 1930-х гг. Е. Карклинь присягал идеям вождизма столь же убеждённо, как в первой половине 1920-х годов призывал следовать «принципам демократического Латвийского государства» (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 27-27 об.).

Будучи секретарём совета консерватории в период резкого усиления борьбы за руководство латвийской высшей музыкальной школой, Е. Карклинь успел отразить на страницах протоколов заседаний совета острую полемику между двумя «партиями» внутри учебного заведения, прежде чем, по требованию Я. Витола, был удалён с должности секретаря. Никогда прежде и никогда после протоколы заседаний совета консерватории не отличались такой насыщенностью и полнотой, как в этот кульминационный момент противостояния Я. Витола и «национальной» оппозиции, которую составила группа педагогов. Именно протоколы совета консерватории и позволяют выявить в составе педагогического коллектива сплочённую, согласованно действующую группировку преподавателей-латышей, противостоявшую Я. Витолу и оспаривавшую его право возглавлять консерваторию.

Протоколы заседаний совета консерватории этого времени (январь – март 1923 г.) беспрецедентны по объёму, они занимают от четырёх до десяти страниц при среднем показателе в две, максимум три страницы и включают элементы стенограммы прений, заявления участников заседаний, например по вопросам протоколирования и формирования повестки дня, примечания к протоколу, сделанные по просьбе ректора, и «контрпримечания» его оппонентов. Полемика по вопросу протоколирования заседаний совета консерватории представляет для нас особый интерес. Так, в ходе заседания 25 января 1923 г. по требованию одного из лидеров «национальной» оппозиции О. Фогельмана в протокол было вписано следующее: «На заседании деканов 24 января с. г. я сделал персональное замечание, что протоколы нужно писать со всеми мотивами, – нужно указывать пропозицию каждого участника заседания и его принципиальные пояснения» (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 17 об.). По словам Фогельмана, это давало бы чёткое представление о взглядах членов коллегии «на самое дело» и о тех принципах, которыми они руководствуются. Фогельман заявил также, что «информировал о формулировке протоколов государственные учреждения, где получил указания, что протоколы с немотивированными вопросами и решениями не имеют никакого практического значения». «Запись пропозиции без мотивировки можно рассматривать как стремление скрыть истину», утверждал он далее, тогда как последний и, по-видимому, решающий аргумент звучал у Фогельмана как прямое обвинение оппонентов в злонамеренности: иначе члены коллегии, «которые в интересах дела исходят из принципов правды, потом не могут доказать свои взгляды и те препятствия, которые иногда [им] противопоставляются» (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 17 об.-18). Однако, по-видимому, вопреки его ожиданиям, Я. Витол «в принципе полностью поддержал» идею оппонента, заметив только, что неизвестно, «как прореагирует на это секретарь заседания» (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 21). В ответ секретарь совета Е. Карклинь, уподобив предложение Фогельмана «высоким деловым идеалам оформления протоколов», заметил, что их «трудно достичь, но в интересах дела всё же надо стараться по возможности приближаться в работе к этим идеалам». Напротив, другой лидер оппозиции П. Сакс предложил «присвоить секретарю право свободно формулировать мысли, высказанные членами заседания», в чём его сразу поддержал Е. Карклинь (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 21-21 об.).

Получив, таким образом, своего рода карт-бланш на фиксацию и свободную формулировку высказываний членов совета, секретарь совета использовал его по назначению, заполняя целые страницы образчиками красноречия коллег и своего собственного. Благодаря этому возникает эффект личного присутствия на заседаниях совета в период, когда практически все поднимавшиеся вопросы обсуждались в контексте противостояния внутри учебного заведения двух группировок, одну из которых возглавляли ректор Я. Витол и проректор П. Йозуус, а другую – О. Фогельман, П. Сакс и П. Юрьян. Отголоски борьбы между этими двумя партиями звучат

в дебатах по каждому пункту повестки дня, но наибольшей интенсивности прения сторон, как они отражены в источнике, достигли при обсуждении очередного проекта устава консерватории в феврале 1923 г., что открывает перспективы для анализа мировоззрения, менталитета, устремлений и методов всех участников противостояния, развернувшегося в стенах латвийской высшей музыкальной школы в этот период.

Здесь следует отметить ещё одну важную особенность источника. Какими бы резкими ни обменивались члены коллегии, прямых выпадов на национальную почву они себе не позволяли, во всяком случае, протоколы таковых не зафиксировали. Либо секретари совета (в частности, Е. Карклинь) избегали включения в текст протоколов национально окрашенных колкостей, либо члены коллегии, принадлежащие к кругу образованных и воспитанных людей, от них действительно воздерживались. Ведь одно дело писать анонимные письма и заметки в газеты и даже открыто делиться своими националистическими взглядами в латышской печати перед сугубо латышской аудиторией, как это было тогда принято, и совсем другое дело говорить прямо в лицо многочисленным коллегам-нелатышам, что они, к примеру, служат помехой развитию национального высшего музыкального образования в Латвии и что от них было бы желательно «освободиться», подобно тому, как Латвия освободилась от иноземного ига. Однако отсутствие прямых инвектив национального характера в протоколах совета не должно вводить нас в заблуждение. Так, в статье «Пояснения по делу Граудана», опубликованной 12 апреля 1921 г. газетой “*Latvijas Sargs*” («Страж Латвии»), «многие члены художественной коллегии», за подписью которых она вышла, выражали несогласие с «заметным в различных кругах тяготением к чужеродцам», а также нежелание подвергать себя упреку в «равнодушии к национальному искусству, воспитанию и поощрению его выразителей» (*Paskaidrojums Graudana leetā* [Пояснения по делу Граудана], 1921). Данная публикация явилась предметом бурного обсуждения на двух (!) заседаниях совета консерватории, дала повод к двум (!) резолюциям, но само её содержание так и осталось фигурой умолчания. Всё же зафиксированная протоколами дискуссия вокруг этого и подобных ему выступлений «национальной» оппозиции в печати позволяет с высокой степенью точности определить её персональный состав, что в свою очередь даёт нам ключ к пониманию подлинного значения прений (в стенах и вне консерватории) и голосований совета по кадровым вопросам.

Следует признать, что «национальная» оппозиция оказывала заметное и порой решающее влияние на кадровую политику учебного заведения. В контексте Латвии межвоенного периода с характерными для него доминантами построения национального государства, латышизации окраин, борьбы с наследием Российской империи и былыми остзейскими привилегиями позиция этой группы выступала наиболее рельефной репрезентацией национального фактора, в целом определявшего основной вектор трансформации латвийской высшей музыкальной школы. В 1920-1930-е годы Латвийская консерватория стояла перед дилеммой: приглашать именитых, но русско- или немецкоязычных педагогов, профессоров Петроградской и Московской консерваторий или отдавать приоритет латышским кадрам (Малнач, 2022b). «Национальная» оппозиция настойчиво противилась первой тенденции и тем самым усиливала вторую тенденцию.

23 марта 1923 г. в результате открытого конфликта с «национальной» оппозицией и вмешательства министра образования Витолс добился отстранения Е. Карклиня от обязанностей секретаря совета консерватории с формулировкой: «1) за внесение в книгу протоколов выражения оскорбительного для ректора и проректора; 2) одностороннее освещение дела и превратное формулирование некоторых фактов» (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 40). В свою очередь, Е. Карклинь выступил с покаянным заявлением – письменным и устным. Особой комиссии в составе двух прежних секретарей, Е. Карклиня и М. Губен, а также проректора П. Йозууса было поручено пересмотреть спорные протоколы и представить на утверждение совета решения, имеющие принципиальное значение (ЛГА, ф. 1655, оп. 1, д. 1446, л. 40). На П. Йозууса также возложили обязанности секретаря совета консерватории, кои тот и исполнял на протяжении полугода, пока 17 сентября 1923 г. секретарём не был избран А. Озолинь. Последний занимал должность протоколиста с осени 1923-го по май 1926 г.

С отстранением Е. Карклиня заметно изменился сам подход к протоколированию заседаний совета. Отныне протоколы, как и в первые годы работы консерватории, становятся за редким исключением сухим перечнем пунктов повестки дня с соответствующими резолюциями по каждому вопросу. Они утрачивают ту живость, которую придавало им стремление Е. Карклиня представить всё разнообразие мнений и по возможности полно отразить дискуссию. При этом они сохраняют роль важного источника по деятельности «национальной» оппозиции внутри консерватории, поскольку как публично-правовые акты удостоверительного характера протоколы заседаний совета консерватории остаются главным источником по истории латвийской высшей музыкальной школы в межвоенный период. Непреходящее значение вклада Екаба Карклиня в летописание Латвийской консерватории состоит в том, что, вопреки обвинению в односторонности, никто другой не сделал так много для фиксации позиций противоборствующих сторон. Более того, протоколы, составленные Карклинем в период с января по март 1923 г., проливают свет как на предшествующие, так и на последующие события, помогают лучше понять, что стоит за скупыми, именно протокольными записями его предшественников (М. Губен), преемников (П. Йозуус, А. Озолинь) и его самого, когда 28 мая 1926 г., т. е. три года спустя, уже наученный горьким опытом, он вернулся к исполнению обязанностей секретаря совета консерватории. Со стенографированием, пусть даже выборочным, было покончено.

Заключение

Проведённый источниковедческий анализ протоколов совета Латвийской консерватории 1920-1930-х гг. позволяет сделать вывод о высокой репрезентативности данного комплекса документов для изучения истории высшего музыкального образования и этнополитических процессов межвоенной Латвии. Применение

методов дипломатики и формулярного анализа подтвердило, что исследуемые публично-правовые акты сохранили структурный канон дореволюционного российского делопроизводства, успешно адаптировав его к новым языковым и политическим реалиям. Исследование показало, что национализационный дискурс эпохи находил в протокольной документации консерватории как прямое, так и опосредованное отражение.

С одной стороны, это зафиксировано на микроуровне в виде принудительной графической унификации и замены аутентичных фамилий их латышскими эквивалентами. Приведение антропонимов сотрудников, особенно нелатышей, в соответствие с нормами новой латышской орфографии в официальном акте является важным элементом государственной ассимиляции и утверждения (признания) суверенитета Латвии на уровне буквенного кода. Подписывая латышский протокол, интернациональный преподавательский состав юридически признавал национальные «правила игры». Таким образом, рассмотрение протоколов совета консерватории межвоенного периода сквозь призму классической дипломатики позволяет увидеть в них не просто пассивное отражение эпохи, а активный инструмент конструирования национальной идентичности. Обладая, по А. С. Лаппо-Данилевскому, удостоверительным характером, эти документы юридически закрепляли статус латышского языка и культуры как доминирующих в академической среде.

С другой стороны, благодаря особенностям подхода к ведению протоколов секретарём Е. Карклинем, источник на определённом этапе приобрёл свойства стенограммы и зафиксировал как открытые, так и скрытые механизмы борьбы внутри преподавательского состава консерватории. Протоколы позволили реконструировать персональный состав и идеологическую платформу «национальной» оппозиции, стремившейся ограничить присутствие и влияние инородческих и иностранных специалистов в пользу латышских кадров.

Таким образом, протоколы заседаний совета консерватории служат ключевым источником для понимания роли национального фактора в истории латвийской высшей музыкальной школы. При этом их информационная неполнота может и должна быть восполнена обращением к прочей делопроизводственной документации консерватории, к материалам прессы и источникам личного происхождения.

Перспективы дальнейших изысканий лежат в плоскости сравнительного анализа протоколов консерватории со смежными комплексами документов Министерства образования Латвии, а также в расширении практики применения формулярного анализа к материалам делопроизводства коллегиальных органов Новейшего времени.

Материалы исследования | Research materials

1. ЛГА – Латвийский государственный архив. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 6 (Konservatorijas mākslas (pedagogu) sēžu protokoli. 1919.-1921. g.).
2. ЛГА. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 1259. Izsūtītie raksti... 1919.-1921. g.
3. ЛГА. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 1446 (Konservatorijas padomes sēžu protokoli. 1921.-1930. g.).
4. ЛГА. Ф. 1655. Оп. 1. Д. 1479 (Pasniedzēju sanāksmes protokols. 1919. g.).
5. Latvijas Konservātorija 1919-1929. Rīga: Valters un Rapa, 1930 (Латвийская Консерватория 1919-1929. Рига: Валтерс и Рапа, 1930).
6. Latvijas konservatorijas satversme // Likumu un ministru kabineta noteikumu krājums. Rīga, 1923 (Устав Латвийской консерватории // Сборник законов и правил кабинета министров. Рига, 1923).
7. [Б.а.] Paskaidrojums Graudana leetā // Latvijas Sargs. 1921. 12. apr. (Пояснения по делу Граудана // Страж Латвии. 1921. 12 апреля).
8. Valdības darbība. Ministru kabineta sēde 1922. g. 23. augustā // Valdības Vēstnesis. 1922. 24. aug. (Деятельность правительства. Заседание Кабинета министров 23 августа 1922 г. // Вестник Правительства. 1922. 24 августа).

Источники | References

1. Данилевский И. Н., Добровольский Д. А., Казаков Р. Б., Маловичко С. И., Румянцева М. Ф., Хоруженко О. И., Швейковская Е. Н. Источниковедение / отв. ред. М. Ф. Румянцева. М.: Высшая школа экономики, 2015.
2. Иванова Р. Г. Протоколы заседаний медицинского факультета Казанского университета (1814-1917 гг.) как исторический источник: дисс. ... к. ист. н. Казань, 2018.
3. Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М.: Наука, 1970.
4. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003.
5. Лаппо-Данилевский А. С. Очерк русской дипломатики частных актов. СПб.: Северная звезда, 2007.
6. Малнач А. Д. Документы по личному составу как источник изучения роли национального фактора в истории Латвийской консерватории (1919-1941 гг.) // Манускрипт. 2026. Т. 19. Вып. 1. <https://doi.org/10.30853/mns20260017>
7. Малнач А. Д. Латышские «активные националисты» и Латвийская консерватория // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2022а. Т. 27. № 2. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2022-27-2-515-526>
8. Малнач А. Д. Лия Красинская и её время // Красинская Л. Э. Так было. Этюды из моей жизни. Рига, 2018.
9. Малнач А. Д. Между этничностью и профессионализмом: проблема кадров в становлении Латвийской консерватории в 1919-1922 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022b. Т. 21. № 2. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-2-148-160>
10. Малнач А. Д. «Мне дана пощёчина...»: Язеп Витолс и основание Латвийской консерватории // Клио. 2022с. № 2.

11. Малнач А. Д. Проблема изучения истории Латвийской консерватории как частный случай кризиса современной латышской историографии // История. Научное обозрение OSTKRAFT. № 21-22 / под ред. М. А. Колерова. М.: Модест Колеров, 2024.
12. Čeže M. Zur gegenwärtigen Situation der musikwissenschaftlichen Praxis in Lettland. Eine pragmatische Übersicht // Musikgeschichte in Mittel- und Osteuropa. 1998. Heft 2 (Чеже М. К современному положению музыковедческой практики в Латвии. Прагматический обзор // История музыки в Центральной и Восточной Европе. 1998. Вып. 2).
13. Vēriņa S. Jāzeps Vītols – komponists un pedagogs. Rīga: Avots, 1991 (Вериня С. Язеп Витол – композитор и педагог. Рига: Авотс, 1991).
14. Vēriņa S. Jāzepa Vītola Latvijas Valsts konservatorija. Rīga, 1985 (Вериня С. Латвийская государственная консерватория им. Язепа Витола. Рига, 1985).
15. Wihtols J. Latvijas Konservatorija // Izglītības Ministrijas Mēnešraksts. 1920. Nr. 1 (Витол Я. Латвийская консерватория // Ежемесячник Министерства образования. 1920. № 1).
16. Vītols J. Latvijas konzerwatorija 15 gadu darba gaitās // Jaunākās Ziņas. 1935. № 9. 11. janv. (Витол Я. Латвийская консерватория за 15 лет работы // Последние новости. 1935. № 9. 11 января).
17. Wihtols J. Pārskats 1919-1929 // Latvijas Konservātorija 1919-1929. Rīga: Valters un Rapa, 1930 (Витол Я. Отчёт 1919-1929 // Латвийская консерватория 1919-1929. Рига: Валтерс и Рапа, 1930).
18. Zandberga D. Jāzepa Vītola Latvijas Mūzikas akadēmijas Klavieru katedra (1919-2019). Rīga, 2020 (Зандберга Д. Кафедра фортепиано Латвийской Музыкальной академии им. Язепа Витола (1919-2019). Рига, 2020).

Информация об авторах | Author information

Малнач Александр Дмитриевич¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Alexander Dmitriyevich Malnach¹

¹ Saint Petersburg State University

¹ amalnach@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 22.06.2026; опубликовано online (published online): 17.0.2026.

Ключевые слова (keywords): Латвийская консерватория; национальный фактор; формулярный анализ; протокольная документация; межвоенный период; Я. Витол; Е. Карклинь; Latvian Conservatory; national factor; formular analysis; meeting minutes; interwar period; J. Vītols; J. Kārkliņš.